

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ (ГРАММАТИЧЕСКАЯ) СИСТЕМА КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛНОЦЕННОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

*Карабутова Елена Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ»,
г. Белгород, Россия*

В статье рассматривается проблема формирования грамматически правильной иноязычной речи студентов вуза, обеспечивающей полноценную коммуникацию участников учебного процесса. Автор подчеркивает факт лексико-грамматического единства языкового знака, что позволяет рассматривать когнитивную сущность языка не только как средство общения, средство передачи информации о действительности, но и как средство накопления и хранения аккумулированной информации в языковых знаках как коммуникативных единицах.

Ключевые слова: концептосфера, грамматический концепт, грамматическое действие, когниция, коммуникация, языковая личность.

В процессе коммуникативной деятельности в результате обобщающей и абстрагирующей работы человеческой мысли характеристика природы грамматического значения является существенно важной для создания лингводидактической системы формирования грамматических основ правильной английской речи русскоязычных студентов в процессе формирования вторичной языковой личности.

С точки зрения когнитивно-коммуникативного подхода формирования вторичной языковой личности в рамках обучения иностранному языку в вузе особый интерес представляет устройство и функционирование концептуальных структур в человеческом сознании, обеспечивающих специфическое для человека взаимодействие с другими людьми и окружающим миром в целом, поскольку сочетаемость возможностей языковых единиц и их грамматическое поведение мотивированы их концептуальными содержаниями. Такое лингводидактическое направление (А.В. Бондарко, Ю.Н. Караулов, В.Б. Кашкин, Е.С. Кубрякова, А.А. Потебня, Б.А. Серебренников и др.) обосновано исследованиями проблемы отражения картины мира в человеческом языке, основанной на триаде: окружающая действительность (реальный мир), отражение этой действительности в мозгу человека (концептуальная / культурная картина мира), и выражение результатов этого отражения в языке (языковая КМ) [Серебренников 1988: 87].

Представители современной лингвистической науки сходятся во мнении, что в слове «не даны две разные вещи, а дано сложное переплетение и взаимодействие разных аспектов семантики как единого явления языковой онтологии» [Бондарко 1977: 5].

Утверждение, что вещественная и формальная стороны живут в сознании говорящего как неделимая единица, находит свое отражение и в трудах А.А. Потебни: «Моменты вещественный и формальный различны для нас не тогда, когда говорим, а лишь тогда, когда делаем слово предметом наблюдения. На мышление грамматической формы, когда бы она не была многосложна, затрачиваем так мало новой силы, кроме той, какая нужна для мышления лексического содержания, что содержание это и грамматическая форма составляют как бы один акт мысли, а не два или более, и живут в сознании говорящего как неделимая единица» [Потебня 1958: 27]. В подтверждение данной мысли можно привести слова Ю.Н. Караулова «о полной или почти полной лексикализации грамматики в лексиконе» [Караулов 2006: 89]. Иными словами, по мнению Ю.Н. Караулова, грамматические категории, хранятся в лексиконе (вербально-ассоциативной сети) носителя языка в форме лексикализованных единиц, где они оказываются закрепленными за отдельными словами и органически слитыми с ними [Караулов 2006: 160].

На основе взаимодействия лексики и грамматики, границу между которыми, по мнению В.Б. Кашкина, так пока никому и не удалось провести – ни в синхронии, ни в диахронии (Кашкин 2010), создаётся смысл грамматического действия, переданного грамматическими категориями и формами, выступающими в качестве средств когнитивной объективации особого уровня категориальных смыслов в акте коммуникации. Данное понимание лексико-грамматического единства языкового знака позволяет рассматривать когнитивную сущность языка не только как средство общения, средство передачи информации о действительности, но и как средство накопления и хранения аккумулятивной информации в языковых знаках как коммуникативных единицах.

Определение слова как грамматически оформленного языкового знака коммуникативной системы подводит нас к пониманию того, что слово в реальной коммуникации всегда предстает в той или иной грамматической форме и не может быть реализовано как совокупность форм с соответствующими значениями в целом. Рассматривая слово с позиций его когнитивной значимости, следует, прежде всего, иметь в виду когнитивную составляющую той или иной формы слова. Для изучающих иностранный язык понятие формы иноязычного слова, скорее всего, предстает следствием знаний обучаемых по освоению другого языка как знаковой коммуникативной системы, т.е. коммуникативной системы, заполненной словами иностранного языка, коррелирующими с действительностью. В результате, слово как языковой знак отражает реализацию как сознания как такового, т.е. связанного с освоением действительности, так и сознания языкового, т.е. связанного с различными формами вербализации этой действительности [Шарандин 2009: 18-32], что свидетельствует о двойной референции формы слова: «отсылать и

к действительности, и к языку» [Кубрякова 2004]. Понимание того, что язык не только категоризирует действительность, но и сам подвергается категоризации, представляя собой специфический объект действительности, будучи самостоятельным объектом познания, позволяет нам рассматривать грамматические концепты, с одной стороны, как определенные единицы знания, репрезентируемые с помощью грамматических категорий и форм, а, с другой, собственно грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленные знаки коммуникативной системы, специфичные для определенного языка, построенные согласно грамматическим правилам данного языка и образов сознания лингвистического этноса, отображающих предметы конкретной национальной культуры. Данная точка зрения находит отражение и в утверждении Л.Г. Зубковой о том, что «идиоэтнический компонент накладывает свой отпечаток не только на лексику, но, что гораздо важнее, на грамматическую категоризацию, формируя особое грамматическое видение» [Зубкова 2003].

Итак, **грамматический концепт** понимается нами как реализующаяся в виде конкретных грамматических смыслов (грамматическое время, число, наклонение и др.) единица знания о представлении мира в языке, т.е. единица языкового знания, сформированная в сознании говорящих, и передающая способ языковой репрезентации энциклопедического знания. Точка зрения В.В. Виноградова о том, что «семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловый объем определяются грамматическим строем языка» [Виноградов 1972: 9-45] является ярким подтверждением тому, что в грамматическом строе языка концептуальная информация разного типа передается и активизируется в виде грамматических концептов, начиная с элементарных и осложненных концептов, и, заканчивая сложными концептуальными структурами высшей степени абстракции.

Вышеизложенное подтверждает, что овладение языком непременно предполагает **концептуализацию мира** народа-носителя этого языка. При этом, по мнению А. Зализняк, конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, и у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Однако сопоставление разных языковых картин мира позволяет обнаружить значительные расхождения между ними, причем, иногда, весьма нетривиальные [Зализняк 2004].

В основе расхождений (или различий) В. фон Гумбольдт определил своеобразие духовного облика народов – носителей языков, но главное несходство языков между собой состоит в форме самого языка, в способах выражения мыслей и чувств [Гумбольдт 1985:174]. Под формой языка В. фон

Гумбольдт понимает не его структуру, не лексику и грамматику, не правила словообразования и синтаксическую сочетаемость, а то, что идет от корней этого языка, что, вероятно, можно назвать принципом соединения звуковой оболочки со значением [Гумбольдт 1985:92].

Таким образом, язык оказывает влияние на формирование системы понятий и системы ценностей индивида.

Рассмотрим некоторые примеры расхождения грамматических конструкций передачи похожих мыслей, выделенных Копровым В.Ю. [Копров 2010].

В русском языке имеется возможность выбора личной или безличной конструкции для выражения одного и того же смысла (инвариантной семантической структуры). Например,

Вчера я не спал – Вчера мне не спалось.

Субъект личного предложения – нейтральный производитель действия – не хотел или не мог спать в силу каких-либо причин. Субъект безличного предложения приобретает дополнительную характеристику: хотел, но не мог спать в силу каких-либо причин.

В английском языке вследствие отсутствия эквивалентных безличных конструкций передать подобное значение возможно личными предложениями с модальными глаголами:

Вчера ему не спалось – Yesterday he **could** not sleep.

В русском языке говорящий может использовать еще и такую (уже третью!) конструкцию – личное предложение с модальным глаголом *Вчера он не мог спать*, в котором причины известны, но не называются.

Ср. Сегодня я не могу работать/Сегодня мне не работается → I can't work today.

Русские предложения с глаголами, не имеющими личных форм, типа Меня знобит (от высокой температуры); В горле першило (от дыма) отражает процессуальное состояние субъекта-антропонима или его неотчуждаемой части, вызванное воздействием эксплицитной или имплицитной причины.

В английском языке безличным предложениям различных типов соответствуют **личные** вербальные предложения или предложения других частеречных типов, например:

Меня тошнит – I feel sick.

В голове шумело – His head was dizzy.

Концепт «активный/пассивный залог» в английском языке представлен более широкой сферой функционирования по сравнению с русским языком.

Во-первых, носителем грамматического признака может выступать практически любой объект, т.е. выраженный не только прямым, но и косвенным дополнением:

It was thought about (ср.: *Об этом подумали* – неопределенно-личная конструкция).

Во-вторых, залоговые преобразования возможны по отношению не к двум актантам (субъекту и объекту), как в русском языке, а к трем актантам: субъекту, объекту и **адресату**:

My friend showed **me** the photo/ My friend showed the photo to **me** (Мой друг показал мне фотографию) – The photo was shown **to me** (by my friend)– I was shown the photo (by my friend).

В-третьих, пассив может быть передан семантической структурой с **локализатором**, не свойственной для русского языка:

Nobody lived in this house (Никто не жил в этом доме)→**This house was not lived in.**

Таким образом, в английской пассивной конструкции позиция носителя грамматического признака (подлежащего) может быть представлена **любым** семантическим актантом.

В-четвертых, в английском языке отмечается более частотное использование пассивной конструкции с имплицитным (неопределенным, обобщенным) субъектом – **двучленного пассива**.

The tea wasn't drunk (*Чай не был выпит*).

В-пятых, в трехчленных пассивных конструкциях английского и русского языков наблюдается количественное несоответствие:

Письмо читается **Борисом**. – The letter is being read by **Boris**.

Осуществляя иноязычную коммуникацию, важно помнить, что если пассив русского языка характеризуется свободным порядком слов, то в пассивных конструкциях английского языка порядок слов жестко закреплен.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что человек мыслит концептами, которые представляют собой квинтэссенцию индивидуальных речемыслительных актов. В концептах концентрируется и кристаллизуется языковой и когнитивный опыт пользователей одного языка, формируя концептосферу. Это позволяет характеризовать грамматику как антропоцентрически ориентированную, обеспечивающую рассмотрение строения и организации языка в прямой зависимости от общих принципов восприятия мира человеческим сознанием (когницией).

Осмысление связей и отношений действительности (национальная картина мира), передаваемых грамматической системой языка, а именно, категорией концепта, составляет лингвистическую основу работы над базовыми грамматическими категориями при становлении и развитии

коммуникативной и профессиональной компетенции будущих учителей английского языка как иностранного. Формирование концептуальной системы, обеспечивающей иноязычную коммуникацию участников учебного процесса, происходит в результате обобщения, категоризации языковых единиц изучаемого языка посредством анализа и синтеза, т.е. от отграничения объекта познания (в частности, грамматического концепта) к формированию индивидуального ментального лексикона человека.

Список литературы:

1. Бондарко, А.В. Исследования в области грамматической семасиологии: проблемы и результаты // Семасиология и грамматика. – Тамбов, 1977.
2. Виноградов, В.В. Русский язык. – М., 1972. – С. 9-45.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1985.
4. Зализняк, А. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки, 2004, № 3.
5. Зубкова, Л.Г. Общая теория языка в развитии: учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 472 с.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
7. Копров, В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://koprov.ru/resources/monographs/Koprov_V_Semantic-Functional_Syntax_2010.pdf.
8. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
9. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1-2. – М., 1958.
10. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87-107.
11. Шарандин, А.Л. Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.Л. Шарандин. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2009. – 407 с.

Abstract. The article deals with the problem of students' grammatically correct foreign speech formation to ensure real-life communication of participants of educational process. The author emphasizes that lexical and grammatical unity of the linguistic sign allows us to consider the cognitive essence of language not only as a means of communication, a means of expressing the information about reality, but also as a means of storage of information accumulated in linguistic signs as communicative units.

Keywords: sphere of concepts, grammatical concept, grammatical action, cognition, communication, linguistic identity.